
БЫЛОЕ

ПРИЧИНЫ НИЗКИХ ПОТЕРЬ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ВОЙНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2024 г. Г.Г. Матишов^{а,*}, А.В. Венков^{а,**}

^аЮжный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

*E-mail: matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru

**E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Поступила в редакцию 14.03.2024 г.

После доработки 19.03.2024 г.

Принята к публикации 25.04.2024 г.

В статье рассматривается вопрос о том, каким образом в XVIII–XIX вв. донские казаки приобрели сохранившиеся до начала XX в. навыки ведения боевых действий с минимальными потерями. Подсчитано количество раненых среди донской казачьей верхушки и уточнён характер самих ранений, получено соотношение боевых потерь казаков и регулярных частей русской армии, достигавших иногда четверти и даже половины личного состава, во время Швейцарского похода 1799 г., Отечественной войны 1812 года и освободительного похода 1813–1814 гг., а также в ходе Первой мировой войны. Установлено, что наименьшие потери среди донского казачества несли сыновья офицеров, привлекаемые к службе ещё в подростковом возрасте. Наибольшие потери от холодного оружия были среди сыновей священников, которые выпали из системы казачьего воспитания в детстве, однако за счёт своей грамотности достигали более высоких чинов.

Ключевые слова: казаки, казачья верхушка, боевые потери, ранения, соотношение потерь.

DOI: 10.31857/S0869587324070095, **EDN:** FLUNBT

Донские казаки органично вписались в вооружённые силы Российской империи, однако заметно отличались от остальных родов войск спецификой своей боевой деятельности (разведка, охранение, преследование разбитого противника), а кроме того — очень низкими боевыми потерями.

МАТИШОВ Геннадий Григорьевич — академик РАН, научный руководитель ЮНЦ РАН. ВЕНКОВ Андрей Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории казачества ЮНЦ РАН.

Историография военной деятельности казаков огромна, охватывает систему их службы, участие в войнах России, подвиги, особенности тактики. Казаки неизменно оценивались высоко, но здесь нас интересуют данные об их потерях. Потери российских войск, особенно на южных театрах военных действий, безусловно, учитывались и анализировались военной статистикой. Следует обратить внимание на работу А.Л. Гизетти [1]. В современной историографии были попытки оценить потери российских и советских войск в течение всего XX в. [2]. В 2020 г. в журнале “Quaestio Rossica” вышла статья А.Т. Урушадзе “Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников” [3]. Автор приводит впечатляющую статистику: “Соотношение боевых и небоевых (болезни и эпидемии) потерь примерно равнялось 1 : 15, то есть на одного казака, погибшего в схватке с горцами, приходилось 15 умерших от болезней в лазаретах Тифлиса, Ставрополя, Георгиевска и Эривани” [3, с. 1346]. Немногим позже вышли работы, посвящённые исторической памяти казаков, попыткам осмысления трудных спорных вопросов, в том числе о невиданно высоких потерях во время Гражданской войны [4]. Потери казаков

в Первой мировой войне на Турецком фронте рассматриваются в книге Р.Н. Евдокимова [5]. Однако специальных исследований военных потерь казаков в досоветский период их службы до сих пор нет.

На уровне обыденного сознания известно, что донской атаман генерал от кавалерии граф М.И. Платов, проведя в боях и походах около 50 лет, в отличие от своих современников А.В. Суворова, М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, ни разу не был ранен. Поэт В.А. Жуковский в “Певце во стане русских воинов” писал о нём так: “Хвала, наш Вихорь-атаман, Вождь невредимых, Платов!” Именно так, одним единственным словом “невредимые”, окрестил казаков поэт. Ветеран Отечественной войны 1812 года, поляк на русской службе, воевавший в партизанском отряде А.С. Фигнера, полковник К.А. Бискупский поэтом не был, но характеристику казакам дал не менее ёмкую и краткую: “...удивительно как самосохранны всегда и везде, не худо!” [6, с. 102]. В нашей статье предполагается исследовать уникальное явление самосохранности.

Чтобы установить потери казаков в войнах Российской империи и объяснить причины их неуязвимости, мы привлекали сборники, составленные на основе материалов Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и Государственного архива Ростовской области (ГАРО), посвящённые действиям донских казаков в кампаниях 1812–1814 гг. [7] и боевым действиям русской армии в 1813 г. [8]. Определённый интерес представляют переписка Николая I с главнокомандующим И.И. Дибичем в 1831 г. [9], воспоминания участников боевых действий. Выбор здесь небольшой. Из самих донцов мемуары оставил лишь генерал-лейтенант А.К. Денисов [10]. Это единственный взгляд изнутри на военную жизнь казаков, в том числе на их потери и стремление к самосохранности. Также весьма интересно мнение таких профессиональных военных, как А.П. Ермолов [11] и С.Г. Волконский [12], занимавших высокие командные посты в русской армии. Много конкретного материала содержится в издаваемой С.В. Корягиным серии “Генеалогия и семейная история донского казачества”, где собраны родословные казачьих родов.

Материалы ГАРО — это в первую очередь послужные списки казачьих старшин, генералов и офицеров [13, 14], статистические данные [15]. Особую ценность представляют полковые книги, отражающие личный состав на начало и конец службы с указанием причин убили офицеров и казаков [16–20]. Методологической основой нашей работы стали принципы историзма и системности. Кроме того, использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Потери среди донской казачьей старшины и их характер. В основу исследования были положены документы ГАРО — составленный в январе 1778 г.

список донской старшины (военной и гражданской элиты), представленный Г.А. Потёмкину: 102 человека, для каждого из которых имеется очень подробный перечень событий его службы, в том числе ранения [13]. О своих ранениях сообщили 20 казаков. Проследив боевой путь некоторых из них, удалось выявить, что позже ранения получили ещё двое: Пётр Гордеев в 1789 г. в боях со шведами “ранен в левую щеку ядром” (?) [14, л. 80], Степан Греков во время штурма Измаила в 1790 г. ранен в левую руку [14, л. 81]. Таким образом, из 102-х ранено 22. Один, Данила Краснощёков, в 1771 г. “за приключившейся ему болезнью... уволен из армии”, но в 1773 г., “получа прежнее здоровье, вступил в службу” [13, л. 367]. То есть он покидал армию не по ранению, а по болезни.

Четверо попадали в плен. Фёдор Кутейников побывал в плену у Пугачёва, “претерпевал во оном известное тиранство” и после освобождения лечился от полученных ран [13, л. 10]. Василий Андронов послан разведчиком в Крым, но был там схвачен и 2 года 8 месяцев в плену “претерпевал безмилосердное... мучение”, пока русские войска не заняли Крым [13, л. 413]. У Ивана Харитонов в Пруссии “на шермиции... прострелена насквозь дважды пулею правая нога да шпагою ранен же в правую ногу и взят был в плен” [13, л. 32]. Афанасий Кутейников также попал в плен в Пруссии, где под ним была убита лошадь, а сам он получил рану в грудь пулей [13, л. 414]. Получается, все они попали в плен по ранению во время боевых действий.

Ранения и потери донские старшины тщательно подсчитывали, учитывались даже лошади. О ранении лошади написали неуязвимый войсковой толмач Осип Данилов [13, л. 233] и Осип Лащилин, раненный пулей в грудь [13, л. 380]. О ранениях лошадей сообщили Максим Янов и Алексей Макаров, а под Андреем Вуколовым, Иваном Барабаншиковым и вернувшимся из плена Афанасием Кутейниковым лошадей убили.

Примером скрупулёзного подсчёта всех ранений служит запись Андрея Вуколова, который взял в плен турецкого агу, при этом у него был “ранен саблей левой руки большой перст” [13, л. 411]. Характер ранений, полученных казачьими командирами, рисует не менее интересную картину. Простое указание “ранен” без уточнения, как и чем, встречается девять раз. 73-летний Макар Греков за всю свою боевую жизнь был ранен лишь раз — на речке Грушевке в 1739 г. стрелой в правую ногу [13, л. 358]. Подавляющее большинство ранений — пулями (19). Одна контузия — и тоже пулей: бригадир Амвросий Луковкин, будучи уже полковником, в Пруссии “пулею в правую руку тяжёлую конфузию получил” [13, л. 264]. Зафиксировано одно ранение ядром. От холдного оружия пострадали Иван Харитонов, Аким Уваров, Пётр Ежов и Андрей Вуколов: дротиком, шпагой и дважды саблей (в бою с пруссаками и чер-

кесами). Войсковой дьяк Иван Янов “по неосторожности опалён порохом” [13, л. 23].

Лишь четверо были ранены в ближнем бою, в рукопашной. Остальные для вражеских пик и сабель оставались неуязвимы. Подавляющее большинство ранений были лёгкими. Уволены “в дома свои” после получения ран трое: Григорий Поздеев, 28 лет, “прострелен пулею в шею насквозь” [13, л. 383]; Максим Янов, 40 лет, ранен пулей “в шею подле самого уха” [13, л. 410–411]; Андрей Вуколов, 31 год, ранен дротиком, саблей и двумя пулями. Последний был “за ранами уволен”, но впоследствии принял участие в походе на Пугачёва [13, л. 412]. В 1742 г. в шведском походе “ранен в ногу тяжело” Иван Горбиков [13, л. 22]. Упоминается будущий первый граф из донских казаков Фёдор Петрович Денисов, раненый насквозь пулей в грудь, в правый бок, также у него была перебита “насквозь левая нога”, “излечением которых ран страждет он поныне” [13, л. 387]. Упоминается Иван Тимофеевич Бузин, раненый пулей в спину, правую руку, левый бок и ещё раз тяжело раненый в спину, “коя пуля и ныне внутри” [13, л. 16–17]. Но большинство пострадавших вели себя подобно Ивану Семёновичу Кумшацкому, который, “несмотря на данную ему рану [куда и чем ранен, не указано — *Авт.*], продолжал усердную свою службу” [13, л. 34].

Судя по приведённому списку, 80% донских старшин за всю свою службу не были ранены ни разу. И это не потому, что они избегали стычек. Так, Алексей Краснощёков 16-летним добровольцем пошёл на службу в 1770 г. и за первый год под Перекопом “убил в смерть турецкого байрактара”, за Перекопом “убил татарского мирзу”, под Кафой “убил янычара и взял в плен байракта и 6 турок” [13, л. 375]. В его послужном списке нет упоминаний о ранениях, лишь об убитой лошади. Всё это говорит о высоком профессионализме донских старшин как индивидуальных бойцов, которые поражают противника, но сами урона от холодного оружия почти не несут.

Потери рядового и младшего командного состава. Предыдущие исследования потерь рядового и младшего командного казачьего состава в Семилетней войне 1756–1762 гг., проведённые в Южном научном центре РАН, опирались на случайную подборку выпусков справочника С.В. Корягина “Генеалогия и семейная история донского казачества”. Выявлена информация о 215 рядовых и 4 младших офицерах. В целом потери казаков невелики: на 215 рядовых пришлось 12 раненых. При этом огнестрельных ран в три раза больше, чем от холодного оружия, а общее количество раненых — 5.5% от участвовавших в войне. Среди младшего командного из четырёх “чиновников” ранен один, 18-летний Иван Скаырсков [21, с. 314–316].

Блестящим завершением боевой деятельности донцов в XVIII в. стало их участие в Итальянском

и Швейцарском походах А.В. Суворова: восемь казачьих полков составили всю русскую конницу в этих кампаниях. Степняки-донцы попали в незнакомую местность, густо застроенную и перерезанную многочисленными каналами, а затем с боями переходили Альпы. По данным Д.А. Милютин, когда в войсках сравнивали наличный состав на 1 (12) сентября (начало похода) и 1 (12) октября, непосредственно после перехода Альп, потери казаков составили 14 офицеров и 351 казак [22, с. 336–337]. После подачи соответствующих рапортов 28 октября (8 ноября) из списков были исключены убитые казачьи офицеры: полка Поздеева 4-го подполковник Поздеев 4-й (командир полка); полка Поздеева 6-го войсковой старшина Долгов, хорунжий Макушкин, хорунжий Сысоев; полка Молчанова сотник Талаев [22, с. 333].

Ранения получили: командиры полков Поздеев 6-й и Курнаков; полка Грекова сотник Марков (19 сентября) и хорунжий Гаврилов (20 сентября); полка Семерникова сотник Прохоров, за урядника сотник Вишневецкий, хорунжий Ковалёв; полка Поздеева 6-го хорунжий Кононов (19 сентября); полка Сычёва 2-го есаул Воинов (20 сентября); полка Курнакова есаул Попов [23, с. 334, 335]. Из 10 раненых офицеров пятеро, в том числе командир полка Курнаков, получили ранения в боях 19 и 20 сентября в Муттенской долине. Возможно, вместе с Курнаковым был ранен и указанный выше есаул Ефим Александрович Попов станицы Кременской [23, с. 161].

Штат казачьего полка состоял из одного полковника, или войскового старшины, пяти есаулов, пяти сотников и пяти хорунжих, одного квартирмейстера, одного полкового писаря и 483 казаков [24, с. 24]. С учётом этих цифр мы можем сравнить официальную информацию по казачьим полкам на 1 (12) сентября, когда фактически закончился Итальянский поход, и 1 (12) ноября 1799 г., когда завершился Швейцарский поход, а с ним и вся кампания (табл. 1) [22, с. 250]. Как видим, потери минимальные, а в Швейцарском походе убыль составила четыре офицера и 150 казаков. Если сопоставить эти данные с первоначальными, то получается, что через месяц все раненые офицеры и 201 казак вернулись в строй.

Что касается других родов войск, то из 20 тыс. выступивших в поход за 16 дней до Иланца (место окончания похода) дошли 15 тыс. без артиллерии и обоза. Более 1600 человек были убиты или пропали без вести, точнее — 30 офицеров и 1577 нижних чинов (15 бежали) [22, с. 331]. Примерно 3500 раненых остались в горах. Зато войска Суворова привели 1400 пленных французов и передали их австрийцам.

Влияние системы казачьего воспитания на потери. Разница в потерях объясняется как системой воспитания казаков, подготовкой их как воинов [25], так и стереотипом их военного поведения. Выпол-

Таблица 1. Численность и состав казачьих полков

Полк	1 (12) сентября 1799 г.			1 (12) ноября 1799 г.		
	Офицеры	Рядовые	Всего	Офицеры	Рядовые	Всего
Денисова	14	469	483	13	436	449
Грекова	16	467	483	15	458	472
Сычёва	17	484	501	17	463	480
Семерникова	17	450	467	16	415	431
Поздеева 6-го	16	452	468	16	446	462
Молчанова	15	472	487	15	449	464
Курнакова	18	476	494	17	463	480
Кумшацкого	17	475	492	17	465	482

няя функции разведки и охранения всей армии, они в первую очередь охраняли себя, постоянно анализировали ситуацию и не стеснялись проявлять чрезмерную бдительность. “Никто более казаков не рассуждает об опасности, и едва ли кто видит её с большим ужасом”, — писал А.П. Ермолов [11, с. 71, 72].

Определённая автономия при ведении боевых действий, судя по мемуарам А.К. Денисова, позволяла казакам не ввязываться в бой, если они не были уверены в успехе [10, с. 13]. Противника они не боялись и показывали ему, что драться будут там, где захотят, и тогда, когда сами захотят [10, с. 391]. В мемуарах всё время осуждается “запальчивая храбрость” казаков [10, с. 389]. Они предельно осторожны, но, если в беду попадёт кто-то из своих, они готовы броситься за ним в середину вражеского каре [10, с. 397, 398]. Такая взаимовыручка строится на дружеских и родственных отношениях. Казаки могли собрать вчетверо или впятеро больше сил, чем у противника, чтобы гарантированно разгромить или уничтожить его, а самим не понести потерь [7, с. 111], поскольку их цель была не отстоять какую-то территорию, а поразить противника, захватить добычу и увезти её на Дон. Постоянная боеготовность, тренированность и военная хитрость также способствовали минимизации потерь.

Казаки были не только прекрасными разведчиками и брали пленных, используя “только им известные обороты” [10, с. 389], но и умелыми контрразведчиками, быстро вычисляли и ловили шпионов вокруг своего лагеря. А.К. Денисов, кстати, во время борьбы с поляками носил с собой портрет вождя повстанцев Т. Костюшко для опознания [10, с. 406].

Казачьи командиры постоянно жаловались, если считали, что их неправильно используют. Тот же Денисов писал, как его казаков поставили рядом с пехотой под ядра: “К нам швыряли поминутно ядра, от которых казаки мои не могли стоять покойно и часто просили, чтоб их вест в атаку, но сего не позволено. Лошадей в полку моем убито более три-

дцати” [10, с. 382]. С.Г. Волконский вспоминал, что М.И. Платов во время контрнаступления 1812 г. постоянно уклонялся от активных действий, сберегал своих казаков [12, с. 114–115], полагая, что мороз и голод и так добьют французов. И однажды в ответ на действия и претензии казаков А.П. Ермолов запросил у Платова: “...с какого времени почитает он войско Донское союзным, а не подданным Российского Императора?” [26, с. 228].

И всё же потери в ходе военных действий 1812–1814 гг. были очень велики. Численность только служилых донских казаков с 1 июля 1812 г. к 1 июля 1815 г., несмотря на пополнение за счёт подростков старше 17 лет, уменьшилась с 47 765 до 34 503, и лишь к 1819 г. вернулась к довоенному уровню 47 786 человек [27, с. 212]. Впрочем, Наполеон только в 1812 г. потерял 90% состава Великой армии. “Итак, вся армия его погибла напрас”, — констатировал М.И. Платов [7, с. 389, 390]. Русская армия тоже потеряла очень много людей. За два месяца наступления осенью и зимой 1812 г. Главная армия уменьшилась со 120 до 51 тыс. человек [8, с. 14]. Так что потери казаков не идут в сравнение с потерями французов и регулярных русских войск.

Были ли казаки одинаково самосохранны? Взяв за временные рамки самые богатые на потери 1812–1814 гг., мы решили сравнить по количеству ранений различные социальные группы казаков: сыновей штаб-офицеров, обер-офицеров, рядовых казаков и священников. Осознавая, что данные всех участников боевых действий сопоставить невозможно, но желая иметь представительную подборку, мы взяли за основу всех казаков, носивших фамилию Попов, самую распространённую на Дону [23]. Подобранный материал мы перепроверили, опираясь на послужные списки, хранящиеся в ГАРО. Установлены 7 сыновей штаб-офицеров, 20 — обер-офицеров, 23 — детей рядовых казаков, 28 — детей священнослужителей. Собственно, фамилия Попов выбрана для того, чтобы количество детей священнослужителей было репрезентативным.

Из семи сыновей штаб-офицеров один, Галактион Данилович Попов Клецкой станицы, “ранен пулей в левую ногу ниже колена навывлет, перебита кость” [23, с. 130]. На службе он находился с 15 лет, 10 лет служил урядником, затем был произведён в чин хорунжего. Остальные дети штаб-офицеров с этой фамилией на службу поступали с 13 до 19 лет, средний возраст — 16 лет.

Из 20 сыновей обер-офицеров двое убиты, двое ранены, один контужен. На службу они поступали с 13 лет до 21 года, средний возраст — 17,3 года. Убиты есаул (в 1813 г.) и хорунжий (19 марта 1814 г. при взятии Парижа) [28, л. 106 об., 104 об.]. В сражении 10–11 мая 1813 г. под Герлицом ядром контужен Иван Григорьевич Попов 13-й станицы Новочеркасской — войсковой старшина, киногерой и герой воспоминаний Дениса Давыдова [28, л. 23 об.]. Ранен Данила Авдеевич Попов Клецкой станицы, находившийся на службе с 16 лет, “уволен за ранами” с чином войскового старшины 1 февраля 1818 г. Какие ранения и где он их получил, не указано [23, с. 130]. Ефим Иванович Попов Кременской станицы, находившийся на службе с 15 лет, будучи урядником, ранен пулей в правую ногу в бою 27–28 августа 1812 г. под Можайском; 28 сентября 1813 г. при Лейпциге ранен саблей в правую руку, произведён в чин хорунжего [23, с. 164]. В отставку вышел войсковым старшиной.

Из 23-х казачьих сыновей, за годы службы произведённых в офицеры (иначе в архивах не было бы их подробных послужных списков), семеро ранены, один контужен, один был в плену. Средний возраст поступления на службу — 19 лет. Трое начинали службу или служили позже писарями. Холодным оружием ранены трое: “трижды в голову саблей”, “саблей в левую руку”, “саблей в голову” [23, с. 42, 352]. Четверо получили огнестрельные ранения: “в руку и в правый бок навывлет пулями”, “пулей в бок”, “пулей в правую руку”, “пулей в левую руку” [23, с. 138, 192]. Один “контужен в левый кострец” [23, с. 74]. Никифор Семёнович Попов станицы Иловлинской, будучи ещё рядовым казаком, в 1813 г. в Дессау был взят в плен, но впоследствии служил в лейб-казачьем полку и в отставку вышел сотником.

Потери среди сыновей священнослужителей такие же, как и детей рядовых казаков, — 39%. Из 28 человек один убит, восемь ранены, двое контужены. Возраст поступления на службу — с 14 до 24 лет, средний возраст — 20 лет. Восемь начали службу писарями, один — фельдшером. 11 сентября 1813 г. убит сотник Степан Семёнович Попов станицы Верхне-Кунрюченской [28, л. 123].

Среди сыновей священнослужителей количество ранений холодным и огнестрельным оружием обратно пропорционально ранениям казачьих детей. Огнестрельные ранения получили трое: “ранен в правый кострец пулей”, “пулей в правую ногу”,

“пулей навывлет в спину... ранен пулей навывлет в левую ногу” [23, с. 12, 116]. От холодного оружия пострадали четверо: “ранен штыком в левую ногу”, “саблей в голову, грудь и правую руку”, “в левую руку саблей”, “саблей в губу, голову и правое плечо” [23, с. 2, 152, 209, 324].

Алексей Ефимович Попов под Фершампенуазом “контужен саблей в правое плечо” и впоследствии 27 июля 1829 г. убит турками в чине войскового старшины [28, л. 26]. Ефим Михайлович Попов станицы Кременской был контужен пять (!) раз: 6–9 июня 1813 г. в боях под Бауценом контужен пулей в шею, 4–7 октября под Лейпцигом — пулей в правую ногу, 17–20 января 1814 под Бриен-Лешато — пулей в левую ногу, 31 января 1814 г. — пулей в левую руку, 23 февраля 1814 г. — пулей в грудь. Ещё раз он был контужен на Кавказе. В отставку вышел подполковником [29, л. 4].

Среди сыновей священнослужителей, получивших ранения, один, Захар Гаврилович Попов, стал генерал-майором, один — полковником, двое — подполковниками, двое — войсковыми старшинами. Среди раненых детей рядовых казаков трое достигли чина войскового старшины, один стал есаулом, а четверо так и остались хорунжими. Среди раненых офицерских сыновей лишь один достиг чина подполковника, двое стали войсковыми старшинами.

Как видим, наименьшие потери ранеными наблюдаются среди сыновей офицеров, то есть тех, кто раньше поступил на службу и в подростковом возрасте познал все сложности боевой жизни. Дети священников, судя по характеру их ран, холодным оружием владели хуже, чем дети рядовых казаков, но, видимо, благодаря уровню грамотности достигли более высоких чинов.

Исключения, подтверждающие правила. В сложившемся стереотипе самосохранности, уклонении от неравных боёв, действиях наверняка встречаются единичные исключения. Так, 28 июня 1812 г. при местечке Мире хорунжий Николай Фёдорович Малчевский “по храбрости своей, врубаясь в неприятельские эскадроны, наносил им великий вред и, подавая собой пример другим, много служил в совершенном разбитии оного, причём тяжело ранен в голову два раза сабельными ударами и [в] обе руки по два раза”. Получив в рукопашной шесть сабельных ударов, награждённый и произведённый в сотники Малчевский через два месяца участвовал в Бородинском сражении [30, л. 208]. Возможно, в нём проявились гены его предков-поляков, ведь польская кавалерия всегда славилась лобовыми атаками, сметавшими всё на своём пути.

Среди безрассудных храбрецов встречались и сыновья донских генералов. Семён Дмитриевич Табунщиков имел 20 сабельных ран (преимущественно в голову). Все они были получены 13 сентября

1812 г. Партизанский отряд Дорохова в этот день столкнулся с французскими гвардейскими драгунами и разгромил их. В послужном списке Табунщикова записано: “13-го на Можайской дороге у совершенного истребления гвардейского драгунского полка, где более двадцати получил сабельных ударов” [26, с. 321]. Видимо, сотник Семён Табунщиков один въехал в строй неприятельской кавалерии. Тем не менее он остался жив и в 1813 г. получил чин есаула.

В последующих кампаниях (в 1831 и 1849 гг. в Польше и Венгрии) потери казаков также были минимальными, и тем разительнее выглядят исключения, когда большое количество ранений получают представители высшего казачьего командного состава. Так, 7 (19) февраля 1831 г. в сражении под Вавром на подступах к Варшаве, выручая батальон 2-го егерского полка, атакованный польской кавалерией, походный атаман казачьих войск русской армии генерал М.Г. Власов лично повёл в атаку Черноморский казачий полк. Военный историк констатировал: “В то же время Черноморский полк на левом фланге произвёл атаку, но был опрокинут, и атаман Власов, получивший несколько сабельных ударов, подвергся опасности быть взятым в плен; черноморцы произвели новую атаку и выручили своего атамана” [31, с. 89]. То, что Власов, донской походный атаман и генерал-майор, лично повёл в атаку казаков, объясняется тем, что это были последние войска, которыми он командовал в боях против черкесов: до войны с поляками 1830–1831 гг. он несколько лет командовал Черноморским казачьим войском.

М.Г. Власову в то время было 64 года, и полученные раны были для него первыми за всю его боевую жизнь. В источниках их количество разнится. В. Потто насчитал восемь сабельных ран по лицу и голове, отметил раздробленную челюсть и два удара пиками в грудь [32, с. 555]. В послужном списке Власова числятся пять ранений саблями в голову и два пикой в бок [33, с. 23]. В мемуарах польских военачальников о стычке с черноморцами под Вавром Власов вовсе не упоминается. В российской “Военной энциклопедии” 1911 г. в статье “Вавр” о ранении Власова тоже ничего не сказано. “Бросившийся в атаку Черноморский п. б. опрокинут” [34, с. 208] – это всё. 27 февраля 1831 г. за участие в том бою М.Г. Власов был произведён в чин генерал-лейтенанта и затем прослужил ещё 17 лет. Интересно, что главнокомандующий И.И. Дибич в день боя написал царю: “Генерал Власов тяжело ранен пулею” [9, с. 541]. И подобное искажение событий – не единственный случай.

В 1849 г. при переходе границы Трансильвании в первом же бою погиб командир Донского № 1 полка Иван Васильевич Костин. Русский офицер М. Дараган вспоминал: “Казаки, заметив ещё с горы расстройство венгерцев, тотчас бросились за ними

и сидели на хвосту у неприятеля. Под самыми стенами карантина полковник Костин неосторожно врубился в эскадрон гусар и был изрублен на месте” [35, с. 50, 51]. Судя по послужному списку, Костину было далеко за 50, а на войне он последний раз был 18 лет назад [36, с. 167–169]. На Дону об этом сообщили в приказе № 20 от 23 июля довольно подробно: “Командир Донского казачьего № 1 полка подполковник Иван Костин 7 июня при перестрелке с венгерцами убит” [37, л. 78 об.]. Дело в том, что для казаков раны холодным оружием не были почётными. От пули, от осколка увернуться трудно, но, если ты пропустил удар холодным оружием, значит, ты плохо им владеешь. Известно, что знаменитый Я.П. Бакланов, дважды раненый на Кавказе пулями, получив в бою с горцами 21 октября 1847 г. удар шашкой по кисти левой руки, отказался вносить эту рану в послужной список [38, с. 208].

При всём этом боевые потери казаков в войне с венграми были очень малы. Показательны в данном случае цифры Донских полков № 43, № 1 и № 51, сражавшихся в разных регионах Венгрии (табл. 2). Следует учесть, что штатный состав полков к середине XIX в. изменился. Так, полк № 43 заступил на службу, имея в строю 4 штаб-офицеров, 26 обер-офицеров, 57 урядников и 787 казаков.

Таким образом, выйдя за пределы своего ареала, казаки стали нести потери, однако не убитыми, а умершими. Общая статистика по Войску подтверждает соотношение боевых и санитарных потерь. С 1837 по 1851 г. среди служивых умерло 10 генералов, 61 штаб-офицер, 422 обер-офицера. Отставных (“от старости”): 17 генералов,

Таблица 2. Потери в Венгерскую войну

Полк	Потери	
	Убитые и умершие от ран	Умершие от болезней
Полк № 43 [39, л. 3–59]		
Офицеры	–	2
Урядники	1	3
Казаки	11	99
Полк № 1 [20, л. 24–25]		
Офицеры	1	–
Урядники	1	–
Казаки	6	68
Полк № 51* [19, л. 248]		
Офицеры	–	2
Урядники	–	5
Казаки	–	104

Примечание: * казаки 51-го полка заслужили 10 георгиевских крестов.

231 штаб-офицер, 693 обер-офицера. Убиты за это время один штаб-офицер, девять обер-офицеров. В 1849 г., когда военные действия велись не только в Венгрии, но и на Кавказе, умерли один генерал, трое штаб-офицеров, 42 обер-офицера; убиты один штаб-офицер, трое обер-офицеров [40, л. 4]. Упомянутый выше подполковник И.В. Костин оказался единственным за 15 лет убитым донским штаб-офицером.

Высокую самосохранность казаки поддерживали до начала XX в. Во время Первой мировой войны 117 тыс. мобилизованных на фронт донских казаков за три года жестоких боёв потеряли: убитыми — 182 офицера и 3444 казака (3.1%); ранеными и контуженными — 777 офицеров и 11898 казаков (10.8%); пропавшими без вести — 53 офицера и 2453 казака (2.1%); попавшими в плен — 32 офицера и 132 казака (0.0013%) [41, с. 223]. И это при том, что в целом русская армия из 15378 тыс. призванных потеряла 2254.4 тыс. убитыми и умершими, 2384 тыс. пленными и 1865 тыс. дезертирами [2, с. 102]. Отметим, что данные о казаках, умерших в ходе войны от различных болезней, не приводятся.

Один из выдающихся полководцев Первой мировой войны, донской казак А.М. Каледин, командовавший общевойсковыми частями (12-я кавалерийская дивизия, 12-й армейский корпус, 8-я армия), в 1915 г. в оборонительном бою был ранен осколком снаряда. Другие потери среди донской военной элиты в то время неизвестны.

* * *

Включённые в состав вооружённых сил Российской империи донские казаки отличались от общевойсковых частей не только особыми боевыми функциями, но и малыми боевыми потерями. Анализ полученных казаками ранений говорит о высоком профессионализме и рядовых казаков, и донских старшин как индивидуальных бойцов, которые поражают противника, но сами потерь от холодного оружия почти не несут. Урон от огнестрельного оружия, по сравнению с общими потерями регулярных частей, также невелик. Малые потери рядовых бойцов и командиров были обусловлены системой подготовки к службе с детства, ранним (зачастую в подростковом возрасте) поступлением на службу и, соответственно, более длительной адаптацией к ней, а также ревностно соблюдаемой автономностью при ведении боевых действий и постановке боевых задач. Свою роль сыграли и наработанные веками приёмы разведки, охранения и организации боя. Наше исследование повлекло за собой ряд вопросов о стереотипе поведения в бою казаков разного этнического происхождения (случай Н.Ф. Малчевского) и о резком росте небоевых потерь в XIX в. во время боевых действий казаков вне своего ареала.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Работа выполнена в рамках темы НИР ГЗ Южного научного центра РАН на 2024 г. “Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронта”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гизетти А.Л.* (1901) Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801—1885 гг. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана.
2. *Gisetti A.L.* (1901) Collection of information about the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian Mountain, Persian, Turkish and in the Transcaspien region. 1801—1885. Tiflis: Printing house of J.I. Lieberman. (In Russ.)
3. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
Russia and the USSR in the wars of the twentieth century: A statistical study. Moscow: OLMA-PRESS, 2001. (In Russ.)
4. *Урушадзе А.Т.* (2020) Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников // *Quaestio Rossica*. № 4. С. 1335—1350.
Urushadze A.T. (2020) Don Cossacks in the Caucasian war: features of military service and assessment of contemporaries. *Quaestio Rossica*, no. 4, pp. 1335—1350. (In Russ.)
5. *Дюкарев А.В.* (2020) Историческая память кубанского казачества. Попытки осмысления трудных (спорных) вопросов. Екатеринбург: Издательские решения.
Dyukarev A.V. (2020) Historical memory of the Kuban Cossacks. Attempts to comprehend difficult (controversial) issues. Yekaterinburg: Publishing solutions. (In Russ.)
6. *Евдокимов Р.Н.* (2022) Казаки на “захолустном фронте”. Казачьи войска России в условиях Закавказского театра Первой мировой. М.: Центрполиграф.
Evdokimov R.N. (2022) Cossacks on the “provincial front”. Cossack troops of Russia in the conditions of the Transcaucasian theater of the First World War. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
7. Письма полковника К.А. Бискупского // Наполеон. Альманах за 2008 г. С. 96—108.
Letters of Colonel K.A. Biskupsky. Napoleon. The Almanac for 2008, pp. 96—108. (In Russ.)
8. Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. Ростов-на-Дону: Книга, 2012.
The Don Cossacks in the Patriotic War of 1812 and in the foreign campaigns of the Russian army of 1813—1814. Rostov-on-Don: Kniga, 2012. (In Russ.)

8. Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сб. документов. М.: Наука, 1964.
The campaign of the Russian army against Napoleon in 1813 and the liberation of Germany. Collection of documents. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ.)
9. Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая I с гр. Дибином // Русская старина. 1884. № 9. С. 537–549.
The war with the Polish rebels of 1831 in the correspondence of Nicholas I with Dibich. Russian antiquity, 1884, no. 9, pp. 537–549. (In Russ.)
10. Записки донского атамана Денисова. 1763–1841 // Русская старина. 1874. Т. X. С. 1–46; Т. XI. С. 379–410, 601–641.
Notes of the Don ataman Denisov. 1763–1841. Russian antiquity, 1874, vol. X, pp. 1–46; vol. XI, pp. 379–410, 601–641. (In Russ.)
11. Ермолов А.П. (1988) Из записок об Отечественной войне 1812 г. // России двинулись сыны. Записки об отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М.: Современник. С. 62–72.
Ermolov A.P. (1988) From notes on the Patriotic War of 1812. The sons of Russia moved. Notes on the Patriotic War of 1812 by its participants and eyewitnesses. Moscow: Sovremennik. Pp. 62–72. (In Russ.)
12. Волконский С.Г. (1988) 1812-й год // России двинулись сыны. Записки об отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М.: Современник. С. 73–121.
Volkonsky S.G. (1988) The year 1812. The sons of Russia moved. Notes on the Patriotic War of 1812 by its participants and eyewitnesses. Moscow: Sovremennik. Pp. 73–121. (In Russ.)
13. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40.
14. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41.
15. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 571.
16. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 539.
17. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 560.
18. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 562.
19. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 668.
20. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 677.
21. Венков А.В. (2019) Казачество в Семилетней войне. М.: Вече.
Venkov A.V. (2019) Cossacks in the Seven Years' War. Moscow: Veche. (In Russ.)
22. Милютин Д.А. (1852) История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. Т. 4. СПб: Тип. штаба военно-учебных заведений.
Milyutin D.A. (1852) The history of the war between Russia and France during the reign of Emperor Paul I in 1799, vol. 4. St. Petersburg: Printing house of the headquarters of military educational institutions. (In Russ.)
23. Корягин С.В. (2007) Поповы и другие. Генеалогия и семейная жизнь донского казачества. Вып. 67. М.: Русаки.
Koryagin S.V. (2007) Popov and others. Genealogy and family life of the Don Cossacks, iss. 67. Moscow: Rusaki. (In Russ.)
24. Шевяков Т.Н. (2002) Итальянский и Швейцарский походы Суворова, 1799. М.: АСТ, Астрель.
Shevyakov T.N. (2002) Suvorov's Italian and Swiss campaigns, 1799. Moscow: AST, Astrel. (In Russ.)
25. Рыблова М.А. (2016) Стать воином: традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград: Изд-во ВолГУ; Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН.
Ryblova M.A. (2016) Becoming a warrior: traditions of socialization of young men and training of soldiers in the Don Cossack community. Volgograd: Publishing house of the VolSU; Rostov-on-Don: Publishing house of the SSC RAS. (In Russ.)
26. Сапожников А.И. (2012) Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М., СПб.: Альянс-Архео.
Sapozhnikov A.I. (2012) The Don Army in the Patriotic War of 1812. Moscow, St. Petersburg: Alliance-Archeo. (In Russ.)
27. Максимов К.Н., Очиров У.Б. (2012) Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: Джангар.
Maximov K.N., Ochirov U.B. (2012) Kalmyks in the Napoleonic Wars. Elista: Dzhangar. (In Russ.)
28. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 316.
29. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 344.
30. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 234.
31. Пузыревский А.К. (1980) Польско-русская война 1831 г. Т. 1. СПб.: Военная типография.
Puzyrevsky A.K. (1980) The Polish-Russian War of 1831, vol. 1. St. Petersburg: Military Printing House. (In Russ.)
32. Потто В.А. (1994) Кавказская война: в 5 т. Т. 2: Ермоловское время. Ставрополь: Кавказский край.
Potto V.A. (1994) The Caucasian War: in 5 vols., vol. 2: Ermolov time. Stavropol: The Caucasian region. (In Russ.)
33. Корягин С.В. (2001) Власовы и другие. Вып. 21. М.: Русаки.
Koryagin S.V. (2001) Vlasov and others, iss. 21. Moscow: Rusaki. (In Russ.)
34. Вавр // Военная энциклопедия. Т. 5. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 207–209.
Wavre. Military encyclopedia, vol. 5. Moscow: I.D. Sytin Printing house, 1911. Pp. 207–209. (In Russ.)
35. Дараган М. (1859) Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб.

- Daragan M.* (1859) Notes on the war in Transylvania in 1849. St. Petersburg. (In Russ.)
36. *Корягин С.В.* (2007) Ковалёвы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 68. М.: Русаки.
- Koryagin S.V.* (2007) Kovalevs and others. Genealogy and family history of the Don Cossacks, iss. 68. Moscow: Rusaki. (In Russ.)
37. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 581.
38. *Венков А.В.* (2013) Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М.: Вече.
- Venkov A.V.* (2013) The Thunderstorm of the Caucasus. The life and exploits of General Baklanov. Moscow: Vechе. (In Russ.)
39. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 666.
40. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 690.
41. *Рыжкова Н.В.* (2003) Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ.
- Ryzhkova N.V.* (2003) Don Cossacks in the wars of Russia at the beginning of the twentieth century. Rostov-on-Don: Publishing House of the RSU. (In Russ.)

THE REASONS FOR THE LOW LOSSES OF THE DON COSSACKS IN THE WARS OF THE RUSSIAN EMPIRE

G.G. Matishov^{a,*}, A.V. Venkov^{a,}**

^a*Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

^{*}*E-mail: matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru*

^{**}*E-mail: andrey_venk@rambler.ru*

The article describes how in the XVIII–XIX centuries the Don Cossacks acquired the skills of conducting combat operations with minimal losses that were preserved until the beginning of the twentieth century. The number of wounded among the Don Cossack elite was calculated and the nature of the wounds themselves was clarified, the ratio of the minimum combat losses of Cossacks and losses of regular units of the Russian army, sometimes reaching a quarter or even half of the personnel, was obtained during the Swiss campaign of 1799, the Patriotic War of 1812 and the liberation campaign of 1813–1814, as well as during the First World War. It was established which layers of the Don Cossacks suffered the least losses. They turned out to be the children of officers involved in the service in adolescence. The greatest losses from cold steel were borne by the sons of priests who fell out of the Cossack education system in childhood, but reached higher ranks due to their literacy.

Keywords: Cossacks, Cossack elite, combat losses, injuries, loss ratios.